

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 2

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1999

были предоставлены земли в Кушкинском и других районах оазиса реки Мургаб.

В начале 30-х гг. многие Дж., недовольные своим положением в советском Туркменистане, вернулись в Афганистан. Однако самый влиятельный вождь Дж., Са'ид Батур, выразил желание остаться. Позже к нему была отправлена делегация, чтобы уговорить его тоже вернуться. Са'ид Батур согласился, но был убит, как только перешел афганскую границу (очевидно, за дружественное отношение к русским).

Дж. (как и белуджи, а также хазара) традиционно занимались полукочевым скотоводством; разведение мелкого рогатого скота, преимущественно овец, могло сочетаться с сезонным полеводством. Для зимовки некоторые Дж. строили стационарные жилища, во время кочевок пользовались юртами. В 30–40-е гг. оставшиеся в Туркменистане Дж. были переведены к оседлости. Большинство Дж. до сегодняшнего дня заняты в хлопководстве, однако в их материальной культуре сохранились многочисленные пережитки кочевого образа жизни.

В 20-е гг. XX в. Дж. еще выступали как самостоятельная этническая группа, однако позднее из-за своей малочисленности и в результате национальной политики 30-х гг. были поглощены белуджами.

По сообщениям этнографов первой половины XX в., Дж. Туркменистана не отличались религиозностью. Пятикратную молитву обычно совершали только во время *рамазана*. Дж. Туркменистана почитают те же «святые» места, как их соседи туркмены, белуджи или хазара. Глав мусульманских общин, особенно в советское время, выбирали не столько за книжные знания, сколько за харизму человека или даже его семьи. Известен случай, когда в 20-е г. XX в. после смерти *муллы*, особо почитаемого среди Дж. и хазара Кушкинского района, место умершего заняла его жена, которая даже надевала мужскую рубашку, продолжая носить, однако, женский головной убор. Некоторым служителям культуры приписывалась способность колдовать (*джадугари*) или по крайней мере снимать порчу.

Дж. Туркменистана кроме родного языка владеют белуджским и туркменским. Знание русского языка распространено почти исключительно среди мужской части населения. В конце 20-х гг. XX в. предпринимались попытки перевести персидскую письменность на латинскую основу (первая азбука вышла в 1931 г. в Ашгабаде), причем латинизированный персидский алфавит в Туркменистане сильно отличался от латинского алфавита персидско-таджикского языка. В 1936 г. эта письменность была запрещена, туркменский и русский языки остались для Дж. единственными языками школьного обучения и официального делопроизводства.

Широкомасштабное изучение материальной и духовной культуры Дж. (а также хазара) провели члены Среднеазиатской экс-

педиции АН СССР 1926–1929 гг., результаты работы которой хранятся в архивах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге.

Лит-ра: А.А. Семенов. Джемшиды и их страна (По джемшидской рукописи начала XX в.) // Известия ТОРГО, XVI, Ташкент, 1923; Букинч. Старинный костюм.; Гафферберг. Формы брака; она же. Жилище джемшидов Кушкинского района // СЭ. 1948, № 4; она же. Белуджи.; Ferdinand. Ethnographical Notes.; Janata. Die Bevölkerung; Rzehak, Pritschepowa. Nomadenalltag.

Л. Ж.

Дукчи-ишан — прозвище одного из суфийских авторитетов Ферганской долины конца XIX в. Мухаммад-‘Али (Мадали) б. Мухаммад-Сабира. Известен как предводитель Андижанского восстания 1898 г. Родился приблизительно в 1850–51 г. в селении Шахидан (под Маргиланом) в семье потомственного изготовителя веретен (*дукчи, ийикчи*), откуда и произошло его прозвище. В юношестве он сопровождал отца, выезжавшего в Самарканд и Бухару, где был отдан «в услужение» местным *муллам* и обучен основам арабской грамматики, чтению Корана и т.п. Примерно в 15–16-летнем возрасте стал *муридом* накшбандийского *шайха* Султан-хан-тура в селении Таджик (около Маргилана). Сам Д.-и. писал, что в 26 лет он получил *иршад* от своего *тура*. Два года спустя он был «поднят на белом войлоке» ближайшими последователями Султан-хан-тура — этот ритуал означал, что Д.-и. был признан *халифом* (духовным преемником) своего учителя и что он обрел духовную связь (*нисбат*) с *шайхами* братства. После смерти Султан-хан-тура (приблизительно в 1882 г.) Д.-и. с несколькими учениками своего покойного *мурида* перебрался в селение Мингтипа (в 35 км к юго-востоку от Андижана); сюда же они перевезли останки Султан-хан-тура, потомки которого, однако, добились немедленного возвращения останков в селение Таджик.

В возрасте 34 лет (по лунному календарю) Д.-и. отправился в *хаджж* (морским путем через Индию), после годичного проживания в Мекке вернулся в селение Мингтипа, где на средства его почитателей и *муридов* была возведена *ханака*, включавшая в себя мечеть, *мактаб*, библиотеку, помещения для приема гостей и приготовления пищи, конюшни и т.п. Среди прибывавших «с подношениями *Ишану*» было много таких, кто жаловался на притеснения со стороны российских властей и представителей местного самоуправления (включая казийские суды). Эти люди пытались склонить Д.-и. к немедленному выступлению и предлагали начать его с резни «мужиков» (=русских переселенцев). *Ишан* удерживал недовольных, полагая, что изменить положение может только всеобщий *газават*.

Община Д.-и. имела последователей в других городах и селах Ферганской долины,

куда были назначены *халифа* («заместители») для управления «делами братьев» (*йаран*). На собрании *муридов* в Ошском уезде (начало 1898 г.) был составлен документ, в котором Д.-и. был объявлен преемником (*халифа*) Посланника Аллаха с правом объявлять *газават* и обязанностями «повелевать одобряемое и запрещать порицаемое» (*ал-амр би-л-ма'руф ва-н-нахй 'ан ал-мункар*). Д.-и. внес поправку в этот документ, назвав себя «халифа господина 'Умара (б. ал-Хаттаба ал-Фарука)», подобно которому он намеревался «вершить справедливость». На основании этого документа Д.-и. составил воззвание о *газавате*, текст которого размножился посредством деревянных штампов. Лишь небольшая часть получивших послание Д.-и. (старейшины узбекских и киргизских родов, некоторые чиновники органов самоуправления и др.) изъявила готовность к немедленному выступлению, другие или вовсе отвергли призыв *Ишана*, или соглашались участвовать в *газавате*, но требовали его подготовки. *Ишан* и на этот раз сумел уговорить своих наиболее радикальных последователей отложить выступление на 1–1,5 месяца. Отсрочка не увеличила числа сторонников *газавата*, главным образом потому, что в глазах большинства мусульман региона Д.-и. не обладал законной властью для руководства *газаватом*. Желая узаконить статус своего *мушида* (в качестве «главного *гази*»), его *муриды* за день до выступления (17 мая 1898 г.) провели церемонию «вознесения в ханы» (*хан кутарилиш*) Д.-и. Этот акт, с одной стороны, отразил стремление восстановить исламское государство вместо ликвидированного царскими властями Кокандского ханства (19 февраля 1876 г.), а с другой — показал, что среди основной части *гази*ев все еще были сильны представления (основанные на степных законах) о праве на власть «законно вознесенного хана». Выступление Д.-и. можно рассматривать и как попытку захвата власти накшбандийскими *шейхами* (как это случилось в XVIII–XIX вв. в Кашгаре, Ташкенте и на Кавказе).

Д.-и. лично принимал участие в нападении на андижанские казармы царских войск и, потерпев неудачу, попытался скрыться, уходя в Кашгар. По пути он с несколькими сторонниками был схвачен группой преследователей во главе с *Иа'куб-курбаши* и *Кадир-кул-мингбаши*. После трехнедельного судебного разбирательства он был повешен (12 июня 1898 г.) вместе с шестью ближайшими сторонниками.

Все книги *ханака* (около 300 томов рукописей и литографированных изданий) были конфискованы и переданы в Туркестанский кружок любителей археологии, а затем в Публичную библиотеку Ташкента. Основная часть этих книг в настоящее время хранится в Институте востоковедения АН РУз. Это — сочинения по *фикху*, учебники *мадраса*, суфийская агиография, *диваны* Бедия, Машраба и т.п.

Сохранилось сочинение Д.-и. «Ибрат ал-гафилин, написанное на ферганском диалекте узбекского языка рифмованной прозой. Автор сетует на испорченность нравов мусульман, переставших исполнять религиозные предписания, забывших о *шари'ате*, на то, что недозволенные новшества (*бид'а*) стали популярней «веры отцов». Это побудило Д.-и. дать разъяснения своим «пробывающим в неведении» последователям по элементарным требованиям *шари'ата*, основанному ритуала (омовение, молитва, пост и т.п.), чтобы привести в соответствие с *шари'атом* немусульманские (с точки зрения автора) обычаи и образ жизни своих соотечественников. Очевидно также, что Д.-и. стремился пробудить у своих сторонников-*гази* осознание борьбы не только «за землю и пастбища отцов и дедов», но и «за веру предков». «Ибрат ал-гафилин — одно из последних сочинений накшбандийско-муджадидитской литературы XV–XIX вв., создатели которой стремились превратить *шари'ат* в единственный закон и норму жизни мусульман.

Отношение Д.-и. к разным слоям местного населения было неодинаковым. Основную опору он видел в кочевом и земледельческом населении Ферганской долины (киргизы, уйгуры, узбеки), чьи интересы он и выражал. С другой стороны, Д.-и. открыто критиковал представителей местной «новой буржуазии», *баев*, «*улама*», представителей наследственных духовных родов и сословий (*ишаны*, *х'аджа*, *сайиды*), чем фактически лишил восстание возможной поддержки с их стороны. «Низкое» происхождение («черная кость») Д.-и., отсутствие у него наследственной харизмы вызывало открытую неприязнь религиозной и светской аристократии, мнение которой выразил один из местных историков того времени Мирза Сами, писавший, что успешное выступление Д.-и. «нарушило *фетеу* о мире с Белым Царем и принесло много вреда мусульманам, стало причиной волнений и беспорядков среди них».

В настоящее время у части интеллигенции Узбекистана образ Д.-и. ассоциируется с одним из этапов борьбы за независимость. Предполагалось официально отметить в 1998 г. юбилей Андижанского восстания. Однако своеобразная «двойственность» личности Д.-и. как «борца за национальную независимость» и как «сторонника восстановления исламского государства времен первых четырех праведных *халифов*» побудила власти отменить это мероприятие на фоне напряженной религиозной ситуации в республике.

Лит-ра: Мухаммад-Али б. Мухаммад-Сабир (*Дукчи-ишан*). «Ибрат ал-гафилин // Рук. ИВ АН РУз, № 1724, 1725; Аноним. Манакб-и Дукчи-ишан // Рук. ИВ АН РУз, № 1727; Мирза Абд ал-'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа / Факс., предисл., пер. и примеч. Л.М.Епифановой. М., 1962, л. 122 а–б; В.П.Сальков. Андижанское восстание в 1898 го-

ду. Казань, 1901; *Е. Смирнов*. Дервишизм в Туркестане // *Материалы по мусульманству*. Вып. II. Таш., 1898, 1-24; Андижанское восстание 1898 г. // *Красный архив*. М., 1938, № 3(88), 123-138 (протоколы допросов подготовлены Е. Штейнбергом); *Фозилбек Отабек ули*. Дукчи эшон вокаеси. Ташкент, 1993, 5-68; *Н. Остроумов*. Интересный документ // *Вестник ташкентской Школы восточных языков при Штабе Туркестанского военного округа*. Таш., 1911, № 3(88), 166, 171, 223; *Н. Komatsu*. The Andijan uprising and Dukchi Ishan // *Toyshi Kenkyu*. Tokyo, 1986, vol. 44, № 4, 1-31; *V. Babadjanov*. Dukči išan der Aufstand von Andizhan 1898 // *MCR*. 1998, 2, 167-191.

Б. Б.

Дюльдюль Али — «святое место» (*пир*), получившее название по кличке коня (араб. Дулдул) четвертого «праведного» халифа 'Али б. Аби Талиба (ум. от ранения в 661 г.). По преданию, когда 'Али объезжал окрестности Дербента, на камнях, в полуверсте от южной Дербентской стены, остались следы копыт его коня.

Пир огорожен камнями. Посещение Д. А. сопровождалось совершением обряда *тютье*: поклонив указательный палец правой руки, верующий опускал его в пыль, а затем прикладывая палец ко лбу, груди и сердцу. Перед Новым годом у Д. А. паломники давали обет (*незр*, от араб. *назр*) сделать какое-либо приношение, пожертвование или совершить доброе дело, произнося про себя закливание: «Исполни мое желание, и когда оно исполнится, я сделаю тебе подношение». Считалось, что *пир* обладает исцеляющей силой, к нему приводили (или приносили) больных детей и укладывали в «люльки», высеченные из камня.

С именем халифа 'Али связаны и топонимы в Тальше (Азербайджан) — Али-риз и Али-чопан. Али-риз («След 'Али»): на правом берегу реки Улюмчай, неподалеку от прежнего местоположения селения Улюм, на невысокой скале имеется несколько углублений. Одно из них, похожее на отпечаток ноги человека, длиной около 60 см, почитается как след 'Али, круглые углубления поодаль — как следы его коня. Каждый проходящий мимо Али-риз оставляет приношения: как правило, это мелкие камешки, разноцветные лоскутки, иногда монеты. Больные в надежде на выздоровление оставляют клочки своей одежды. Али-чопан — проход между двумя камнями на тропе от селения Монидига в Зуванд. В скале на высоте около 2 м — небольшая лунка, куда путники стараются забросить камешек: попавшего ждет удача.

Лит-ра: А. К. Что должен сделать каждый дербентский мусульманин (ши'ит), чтобы счастливо провести весь новый год. // *Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества*. Тифлис, 1872, 1/1, 21; *Г. Ф. Чурсин*. Тальши (Этнографические заметки) // *Известия Кавказского историко-археологического института*. Тифлис, 1926, IV, 22, 38.

Дж. М.

аз-З амахшари, Махмуд б. 'Умар Абу-л-Касим (1075-1144), прозванный *Джар Аллах* («покровительствуемый Аллахом») и *Фахр Хуваризм* («гордый Хорезма») — богослов-тазилит, законовед ханафитского *мазхаба*, филолог и литератор. Родился в г. Замахшаре в небогатой семье, учился грамоте и читал Коран под руководством отца, посещал и начальную школу (*куттаб*); еще в детстве ему отняли сломанную ногу, и он ходил на деревянном протезе. Отец решил, что увечный сын должен учиться портняжному ремеслу, но юноша попросился «в город», т.е. в столицу Хорезма — Гургандж, где нашел заработок благодаря хорошему почерку. С Гурганджем (его развалины находятся на южной окраине Куныя-Ургенча в Узбекистане) связана вся остальная жизнь аз-З.: отсюда он выезжал, иногда на значительный срок, но неизменно возвращался в этот город. Там же он умер и похоронен.

Учителями аз-З. в Гургандже были Абу 'Али Слепой (ал-Хасан б. ал-Музаффар ан-Найсабури ад-Дарир), приехавший из Исфахана Абу Мудар Махмуд б. Джарир ад-Дабби Грамматик (ум. в 1113-14 г.), который не только преподавал одаренному ученику арабский язык и литературу, но и помогал материально, и аз-З. навсегда сохранил о нем благодарную память; *шайх* ал-Хайяти учил его *фикху*, *имамы* Рукн ад-дин Махмуд ал-Усули и Абу Мансур — богословию (двое последних вскоре сами стали учениками аз-З. по *тафсиру*). Уже в молодые годы аз-З. написал несколько филологических сочинений и стал предлагать свои услуги видным сановникам при дворе сельджукских *султанов*, посылая им свои хвалебные *касиды*. Сообщают, что до сорока с лишним лет он «общался с *вазирами* и властителями и наслаждался благами мира», вероятнее всего, при дворе Хорезм-шахов. В 1118 г. аз-З. перенес опасную болезнь и резко переменял образ жизни, перешел к уединению и воздержанию, отдавая досуг литературной работе и преподаванию. Он дважды совершил паломничество в Мекку, где жил по несколько лет и дружил с ее правителем, *шарифом* Ибн Ваххасом. По пути он побывал в Багдаде, Дамаске и других городах, где встречался с такими видными учеными, как ад-Дамгани, Ибн аш-Шаджари, ал-Джавалики.

Учениками аз-З. были многие филологи, *адибы* и богословы в Хорезме, Мавараннахре и Хорасане: Абу-л-Му'аййад Муваффака б. Ахмад ал-Макки (*Ахтат Хуваризм* — «лучший *хатиб* Хорезма»), 'Абд ар-Рахим б. 'Умар ат-Тарджумани, Мухаммад б. Абил-Касим Байджук ал-Баккали ал-Адами, Абу-л-Хасан 'Али б. Мухаммад ал-Кумрани, Абу 'Амр 'Амир б. ал-Хасан ас-Симсар, Абу Са'д Ахмад б. Махмуд аш-Шати, Абу Тахир Саман б. 'Абд ал-Малик ал-Факих и др.

В литературном наследии аз-З. (в рукописях сохранилось около 20 сочинений, в большинстве они опубликованы, по упомин-